ХОНОБУ ЁНЭДЗАВА

Дело о весеннем лимитированном клубничном тарте

LIKE BOOK

Крайм-брюле

Хонобу Ёнэдзава

Дело о весеннем лимитированном клубничном тарте

«Эксмо»
2004

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Ёнэдзава Х.

Дело о весеннем лимитированном клубничном тарте /
Х. Ёнэдзава — «Эксмо», 2004 — (Крайм-брюле)

ISBN 978-5-04-256326-3

Дзёгоро Кобато с детства обладал поразительной дедукцией и острым умом. Он мечтал стать великим детективом, но после неприятного инцидента в средней школе решил оставить детские амбиции и вести жизнь «маленького гражданина» – обычного, непримечательного подростка. Тогда же он и его давняя подруга Юки Осанай, любительница редких десертов и уютных посиделок в кафе, дали друг другу обещание: никаких расследований, никаких неприятностей, только тихая и размеренная жизнь. Но их планы рушатся из-за кражи школьной сумочки. Вслед за этим происходят новые странные события: пропажа велосипеда, загадочные происшествия, и Дзёгоро невольно берется за расследование. Он старался не замечать улики, но детективное прошлое не так-то просто отпустить. А Юки, несмотря на внешнюю хрупкость, всегда добивалась своего и, похоже, вовсе не против, чтобы их будни стали интереснее. Ведь иногда, чтобы сохранить спокойную жизнь, приходится нарушить собственное обещание.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-256326-3

© Ёнэдзава Х., 2004
© Эксмо, 2004

Содержание

Пролог 6
Овечья шкура 8
1 8
2 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Хонобу Ёнэдзава
Дело о весеннем лимитированном клубничном тарте

© Ахмедзянова А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

В самом начале рассказывать о сне – банально, но, если глубоко задуматься, лучше всего будет начать именно с него. Это куда лучше, чем если бы сам финал оказался ночной фантазией.

Во сне я на глазах у всех разоблачал своего школьного друга. Вот так это было:

– ***-кун[1], другими словами, как понятно из вышеизложенных аргументов, факты очевидны. Как я и думал вначале, все разрешилось благодаря расписанию.

Если ты настаиваешь на доказательствах, то могу и представить их, но, как бы сказать… Тебе некуда бежать. Идея с инлайнами[2] для создания алиби не самая оригинальная, но и не такая плохая. Вот только ты не на того напал.

Случай с исчезновением басиста, произошедший когда-то давно, раскрыл я. Также момент, когда из кабинета музыки упала ваза. Знаешь о нем? То, что это была не случайность, тоже раскусил я. Признаться по секрету, то, что группа Сагавы попала в неприятности и была взята под стражу, – моих рук дело.

И со всей определенностью утверждаю, что это ты их подставил. Ну что, признаешь поражение? Или собираешься отнимать у всех время тщетными попытками оправдаться?

***-кун бессильно опустил голову. На мгновение я подумал: «Кстати, а кто это такой?» Но, так как это происходит во сне, человеку-преступнику не было дано никакой внешности. Смотря на него сверху-вниз, я самодовольно бросил:

– Ну, еще не поздно искупить свою вину. Если у тебя осталась хоть капля добропорядочности, прислушайся к ней.

Затем я оглянулся на публику. Им, как и ожидалось, тоже не было дано внешности, но они осыпали громом аплодисментов мое решение.

– Ого, круто!

– Я и подумать не мог, что все именно так.

– Никак не ожидал, что виновником окажется он.

– Великолепно, другого я и не ожидал.

– Как и ожидалось от Дзёгоро Кобато.

– Блестяще, просто блестяще.

Я поднял руки, отвечая на их нескончаемую похвалу, и был в высшей степени доволен собой. Пытаться обмануть меня такой интрижкой… Это уже даже недальновидностью не назовешь, а какой-то примитивной хитростью. Именно об этом я и думал. Да уж, мне даже как-то было мало. Нет ли где-то мудрого человека, способного заставить меня восхищенно ахнуть?

В общем, пока тот я, во сне, упивался своими успехами я, которому снился этот сон, смотрел на это с сильным отвращением. Видимо, такое состояние оказало влияние на сон: из ликующей публики вперед вышел человек.

Кто это? У меня было на примете несколько людей, кто мог мне сказать что-то подобное. Он или она, радостно улыбаясь, сообщил следующее:

– Это и правда было потрясающе. Блестящая дедукция. Безупречное доказательство. Но, эм-мм… как бы это сказать… мне неловко это говорить, но скажу прямо: ты малость бесишь.

---

[1] «– кун» – именной суффикс, используемый преимущественно при неформальном общении, чаще всего по отношению к юношам или людям одинакового социального положения. – *Здесь и далее прим. пер.*

[2] Инлайны – однорядные роликовые коньки.

Да уж, ну и ужасный же сон мне приснился. После пробуждения у меня еще какое-то время сердце колотилось так громко, что я даже забеспокоился, не заработаю ли себе какое-нибудь сердечное заболевание.

К счастью, это было не по-настоящему, поэтому впечатления от него стали быстро меркнуть, а детали забываться. И в тот момент, когда я уже почти все забыл, мне вдруг показалось, будто я видел еще один сон. Главным героем в нем был не я, а очень маленькая девочка. Я совершенно забыл его содержание, в памяти не всплыло ни единого фрагмента.

Я приподнялся на кровати. За шторами рассвет. Смотрю на настенные часы еще рано, чтобы вставать. Но, так как я уже окончательно проснулся, решил подняться. Сел на край кровати и стал обдумывать ускользающий из памяти сон.

Все в порядке. Нынешний я совсем не такой, каким был во сне. Храня в сердце образ своего идеала и вооружившись улыбкой, я, по идее, смогу жить той жизнью, о которой мечтаю. А если я буду на грани того, чтобы опустить руки, у меня есть единомышленница. Надежная напарница, с которой у нас общая цель.

Когда придет время, я пойду в старшую школу. Пока не в свою. Сегодня будут объявлять результаты экзаменов, и если с ними никаких проблем нет, то я буду учиться с апреля.

Смена обстановки при переходе из средней школы в старшую. Говорят, когда кто-то в средней школе ведет себя смирно, а потом внезапно становится сорванцом, это называется «дебютом в старшей школе».

Немного в другом смысле, но мы тоже стремимся дебютировать, когда преодолеваем новую ступень. Полутемная комната с задернутыми шторами. Я сидел, не шелохнувшись.

Да. Если сменится обстановка, то мы наверняка справимся.

Овечья шкура

1

Если бы меня спросили, уверен ли я, то, наверное, ответил бы, что нет.

Но если бы этот вопрос задал Бог или кто-то вроде него, и у меня была гарантия того, что обо мне не подумают плохо, если я скажу правду, то наверняка сказал бы: «Я и не думал, что могу провалить экзамены».

Школа Фунадо в этих окрестностях известна как престижное учебное заведение, куда трудно поступить. Тем не менее это государственная школа, поэтому количество поступающих в нее регулируется заранее, и конкурс не превышал одного-двух человек на место. Экзаменационные номера поступивших вывесили перед спортивным залом. Я с легким настроем, будто пришел полюбоваться сакурой неподалеку, просматривал номера и вскоре нашел свой. То, что я едва слышно выдохнул, говорило о том, что, видимо, все-таки немного волновался.

В любом случае со мной все разрешилось, но на этом полностью успокоиться я не могу. Меня беспокоила моя единомышленница, с которой мы дали друг другу обещание. Мы прошли этот путь вместе, поэтому она должна быть где-то здесь… Перед доской объявлений толпа людей, и я ничего не видел. Это безнадежно. Да и партнерша маленькая, еще и неприметная. Я перестал искать глазами и немного отошел от этой толпы, достал телефон и открыл адресную книгу. Имя контакта: «Юки Осанай, мобильный телефон».

«Я поступил. А ты?»

На что она ответила:

«Ты сейчас где?»

Я посмотрел по сторонам в поисках чего-то, что станет ориентиром. Все-таки мы уже приходили сюда однажды на экзамены, сегодня мы тут второй раз. Я колебался, что именно назвать ей, и в результате ответил:

«Буду у школьных ворот».

«Я сейчас приду».

Вызов завершился. Я положил в карман складной телефон, направляясь к школьным воротам. Сообщения, которыми мы обмениваемся, всегда короткие. Так как Осанай-сан[3] не использует эмодзи, я тоже этого не делаю. Как-то давно я слышал от нее, что она не применяет их, так как подстраивается под меня. Кто-то из нас – либо она, либо я – любит простоту, а кто-то – адаптируется под второго. Скорее всего, мы оба делали это в равной степени.

Возле школьных ворот было несколько групп людей. Стоило мне подумать, что Осанай-сан еще не пришла, как из-за неприветливых бетонных ворот выглянула маленькая девочка в матроске. От кого это она прячется? Я подозвал ее жестом. Она подбежала ко мне и слабым, тихим голосом сказала:

– Я тоже.

– …ты о чем?

– Кобато-кун, ты ведь поступил?

А, понятно. Я улыбнулся во весь рот.

– Ясно. Значит, ты тоже поступила. Рад это слышать.

– Угу… Рассчитываю на тебя.

---

[3] «– сан» – наиболее универсальный, нейтрально-вежливый именной суффикс. Используется во всех сферах: при обращении младших к старшим, при обращении к малознакомым людям, присутствует в общении людей равного социального положения и т. д.

У нас не будет проблем, если кто-то нас услышит. Это самый обычный разговор. Но Осанай-сан продолжала говорить тихо, словно боялась помешать окружающим.

Ее зовут Юки Осанай. За исключением того, что она маленькая, в ее внешности нет ничего примечательного. Узкие глаза, тонкие губы, маленький нос. Все части лица маленькие, само лицо тоже. Пожалуй, разве что мочки ушей большеватые. Волосы подстрижены в каре, руки и ноги тонкие, под стать миниатюрному телосложению. На автобусе она вполне могла проехать по детскому билету. Юки была в школьной матроске, поверх которой был накинут кардиган молочного цвета. А энергетика… ей и самой нравилась характеристика, что она была похожа на маленького животного.

С Осанай-сан мы вместе с начала лета третьего класса средней школы.

Подул слабый ветер. Приближалась весна, и, хоть для меня и Осанай-сан уже «зацвела сакура»[4], воздух был еще довольно холодным. Меня пробрала дрожь. До церемонии поступления здесь больше делать нечего.

– Холодно, я пойду домой.

– Я тоже, – сказала Осанай-сан и, немного подумав, добавила: – Действительно холодно.

– Поэтому я и говорю, что пойду домой.

– Может, выпьем чего-нибудь горячего, чтобы отпраздновать поступление?

Это было хорошее предложение. Я не очень хорошо знал эти окрестности, но Осанай-сан, наверное, знала парочку кафе. Я согласился без колебаний, и мы уже собрались пойти, как вдруг кто-то обратился ко мне:

– Добрый день.

Я обернулся и увидел мужчину. Он был в ветровке серо-розового цвета, которая смотрелась немного безвкусно, в руках у него блокнот, а на рукаве темно-бордовая повязка с белой надписью: «ПРЕССА». В то же мгновение Осанай-сан резко развернулась и спряталась у меня за спиной. Ловко! Мужчина мельком посмотрел на нее, а затем с почти бесстрастным лицом повернулся ко мне и спросил:

– Похоже, вы поступили. Поздравляю! У вас есть немного времени?

У меня хотят взять интервью? Понятно.

Я тут же с улыбкой кивнул:

– Извините, у меня еще есть дела, – сказал я и, не дожидаясь ответа, быстрым шагом пошел в сторону толпы. Осанай-сан следом за мной. Не то чтобы я с особым недоверием относился к СМИ, но взаимодействовать с ними не хотел. Думаю, что Осанай-сан такого же мнения, но, когда мы отошли на достаточное расстояние, она посмотрела на меня и тревожно нахмурила брови:

– Кобато-кун… Тот человек разозлился?

Меня тоже это волновало, поэтому я на мгновение обернулся. Представитель прессы не преследовал нас, он смотрел по сторонам, видимо, в поисках следующего человека, у которого можно взять интервью.

– Похоже, все в порядке. Даже если он и злился, будем считать, что это его работа.

– …Угу, – она кивнула, но выражение ее лица по-прежнему было хмурым.

Говорят, доктор Кларк[5] оставил студентам Хоккайдского университета послание: «Будьте джентльменами». У нас с Осанай-сан подобное выражение. Оно очень похоже на «джентльменов», но социальным рангом чуть ниже: «Будьте маленькими гражданами». Вот так. Ради ежедневного спокойствия и стабильности мы с Осанай-сан решительно настроены быть «малень-

[4] Образное выражение, означающее успешную сдачу вступительных экзаменов.

[5] Уильям Смит Кларк – американский ученый в области химии и ботаники, преподаватель, одно время работал в Университете Хоккайдо по приглашению правительства Японии.

кими гражданами». Впрочем, проявлялось это немного по-разному. Осанай-сан прячется. А я отшучиваюсь.

Как подобало маленькому гражданину, нужно было смотреть телевизор и читать газеты. А появляться на экране или в статьях недопустимо. И участвовать в интервью, которое, может, и не появится нигде, я совершенно не собирался. Однако проблема в том, что мешать работе человека и навлекать на себя его злобу – это тоже неподобающе для маленьких граждан. В этом плане поведение того мужчины в ветровке меня успокоило.

Тем не менее я остановился и еще раз оглянулся на ворота. Осанай-сан спросила:

– Что случилось?

– Нет, ничего. Но мы сбежали немного не в ту сторону.

Мы отошли от ворот, и было бы немного неловко снова проходить мимо того мужчины, чтобы выйти. Я ненавижу это чувство. Наверняка были и другие выходы, но я не знал где. Пока думал, что делать, Осанай-сан снова спряталась у меня за спиной.

– …Не двигайся, Кобато-кун.

Я посмотрел по сторонам, чтобы понять, в чем дело, и вскоре догадался.

Конечно, здесь много моих одноклассников, которые сдавали экзамены в эту школу. Я уже встретил здесь много знакомых лиц, и Осанай-сан увидела одно из них – насколько помню, это ее школьная подруга, и я понял, почему она спряталась у меня за спиной. Осанай-сан поступила, но если та девочка завалила экзамены, то напарнице будет не по себе.

Кстати, когда мы встретились у ворот, и Осанай-сан сообщила о своем поступлении, ее голос…был более тихим, чем обычно. Наверное, это потому, что вокруг могли быть те, кто не поступил. Да уж, хоть мы и единомышленники на пути «маленьких граждан», в вопросах чуткости я ей довольно сильно уступал. Я вошел в положение Осанай-сан и, как она и просила, некоторое время не двигался с места.

С тех пор как вывесили номера поступивших, прошло уже довольно много времени. Волнение, охватившее людей, постепенно спадало, кое-где раздавались крики: «Ура!», – но некоторым ученикам не хватало той самой чуткости, присущей Осанай-сан. Ажиотаж стих. Я подумал, что пора и нам уходить и, согласно уговору, пойти выпить чего-нибудь горячего, но меня снова окликнули:

– Эй ты!

Это был грубый низкий голос, и на этот раз он звучал неуважительно. Осанай-сан на мгновение вздрогнула и застыла. Я, если честно, тоже удивился. Не помню, чтобы я давал повод вот так внезапно «тыкать» мне в общественном месте. Подумал, что надо быть помягче, и обернулся.

Там стоял парень, и его неотесанный вид соответствовал его голосу. Он был крепкого телосложения, с широкими плечами, ростом заметно выше меня. То, что он здесь, говорило о том, что он нашего с Осанай-сан возраста, но если бы нас сфотографировали рядом, то фотографию можно было бы подписать «Разница в развитии в зависимости от питания» и вставить в какие-нибудь справочные материалы. Волосы на висках у него были выбриты, и из-за этого его и так угловатое лицо выглядело квадратным. Я искренне и радостно улыбнулся ему:

– О, какие люди!

– «Какие люди», значит? Ну и паршивое же приветствие.

– Но уж получше внезапного: «Эй ты». Давно не виделись, Кэнго!

Кэнго только лишь фыркнул, особо не проявив теплых чувств. Это и логично: мы знали друг друга уже давно, но, если подумать, мы друзьями не были.

– Ты тоже поступал в Фунадо?

– Ну да, типа того.

– И, значит, поступил?

– Ну, как-то да.

– Ясно, – пробормотал Кэнго и кивнул. Он скрестил руки на груди с не то чтобы недовольным видом, но выражение лица у него было угрюмое.

– Не думаю, что ты можешь оплошать там, где надо использовать голову… Снова будем в одной школе.

Кэнго тоже поступил? Мои поздравления.

Кстати, Осанай-сан стеснялась незнакомых. Наверное, это естественно, но парней она стеснялась еще больше. А рядом с таким подчеркнуто маскулинным человеком, как Кэнго, это проявлялось наиболее ярко. Она снова сжалась у меня за спиной, взявшись за край моей флисовой кофты. Иногда мне казалось, что Осанай-сан будет комфортно, если она станет носить с собой какое-то средство укрытия. Например, большую картонную коробку.

Я обернулся к Осанай-сан и улыбнулся ей:

– Выглядит он суровым, но совсем не страшный, Осанай-сан.

На этот раз Кэнго состроил по-настоящему недовольное выражение лица.

– Это кто тут не страшный?

– Ой, извини. Страшный, да?

– Я говорю, что не надо ставить на первое место критерий «страшный или не страшный».

– Ты прав. Да. Извини. Я не хотел тебя обидеть.

Однако чем искреннее я пытался оправдаться, тем подозрительнее становилось лицо Кэнго.

– Да ты… – начал он, но осекся на полуслове.

Так как Кэнго не продолжал, мне ничего не оставалось, кроме как представить его:

– Осанай-сан, это Кэнго Додзима. Мы учились в одной начальной школе.

После того, как я представил его Осанай-сан, она неохотно показалась Кэнго полностью. Вежливо кивнула в знак приветствия.

– Кэнго, это Осанай-сан. Мы учились вместе средней школе. Она моя подруга.

Кэнго был весьма почтителен. Он убрал руки с груди, расправил плечи и представился в ответ:

– Привет, Осанай-сан. Раз ты подруга Дзёгоро, ты, наверное, очень терпелива. Меня зовут Кэнго Додзима. Теперь мы станем учиться вместе, так что будем знакомы.

Ну и манера выражаться. К тому же никто еще не говорил, что Осанай-сан тоже поступила.

Наверное, дело было и в разнице в росте, потому что Осанай-сан смотрела на Кэнго снизу-вверх. Я думал прийти ей на помощь, раз ей настолько некомфортно с ним, но, несмотря на напряженное выражение лица, Осанай-сан все же кое-как улыбнулась и слегка кивнула.

Как и обсуждали, мы пошли в любимое кафе Осанай-сан и заказали горячие напитки. Я – кофе, Осанай-сан – лимонад и вдобавок клубничный тарт. Это был десерт маленького размера, можно сказать, мини-пирожное.

Обхватив обеими ладонями чашку, наполненную до краев лимонадом, Осанай-сан выдохнула с облегчением. Сняла алый шарф и положила его на колени. Она то и дело поглаживала ее, чтобы согреть замерзшие кончики пальцев, а немного времени спустя подняла чашку и сделала глоток. Взяв вилку, она отделила край клубничного тарта и отправила его в рот, и ее привычное, немного мрачное выражение лица на мгновение наполнилось счастьем. Я улыбнулся ей.

– Вкусно?

Осанай-сан коротко кивнула. Немного отпила лимонад, а затем озадаченно наклонила голову набок.

– Вкусно. Но…

– Но?

Она понизила голос:

– Я знаю, где еще вкуснее.

– Ого.

Ничего не поделаешь, что мой ответ как человека, который не является большим любителем сладкого, стал таким безучастным. Но для продолжения разговора я все же спросил:

– Где?

На губах Осанай-сан появилась естественная улыбка.

– В «Алисе» есть весенний лимитированный клубничный тарт. Он сплошь покрыт ягодами. В этом году я тоже обязательно его куплю.

Сплошь покрыт ягодами. Прежде всего я подумал, что звучит это не очень вкусно, но Осанай-сан так улыбается, только когда разговор идет о сладостях.

Поэтому, чтобы не портить настрой, я ответил:

– Как же здорово.

Маленький тарт, как бы медленно ни наслаждалась им Осанай-сан, закончился. К этому времени мне уже тоже надоел кофе, хотя на дне чашки оставалось совсем немного. Десерт исчез, Осанай-сан вернулась к прежнему мрачному выражению лица и вскоре робко спросила:

– Кстати, Кобато-кун.

– Да.

– А какой Додзима-кун человек?

Это был трудный вопрос. У меня не очень хорошо получалось коротко описывать кого-то, когда меня спрашивали, что это за человек. Поэтому я невольно задал встречный вопрос:

– Тебе интересно?

Осанай-сан опустила глаза и стала украдкой поглядывать на меня снизу-вверх. Должно быть, она чувствовала неловкость, так как я друг Кэнго. Я улыбнулся ей и стал ждать, когда она заговорит.

Послышался ее шепот:

– Он… У меня есть ощущение, что он тебя во что-нибудь втянет. Нехорошо так говорить о том, кого видишь впервые, но он показался мне слишком напористым.

Мне понятно ее беспокойство. Мы очень восприимчивы к подобному. И у Кэнго в действительности была такая сторона.

– Да. Если за эти три года, что мы не виделись, он не изменился, то он любит совать нос не в свои дела.

Выражение лица Осанай-сан, которое изначально не было радостным, стало еще более угрюмым. Наверное, у нее было ощущение, будто над начинающейся жизнью старшеклассницы нависла туча, которую сложно разогнать. Я ее отлично понимал, но мне захотелось хотя бы немного защитить Кэнго.

– Но не стоит беспокоиться. Кэнго хороший парень, – произнес я и после этого подумал, что сказал глупость. Как и ожидалось, Осанай-сан слегка покачала головой из стороны в сторону.

– Если хороший, то я буду беспокоиться еще больше. Ведь такие не отпускают. Ты и сам говорил, что с плохими людьми иметь дело куда проще.

Да, правда.

Однако Кэнго не был таким «хорошим человеком», каких мы боялись. Он не из тех «хороших людей», кто загонял тебя в угол, прикрываясь лозунгом: «Это ради твоего блага». Конечно, он не был плохим человеком. Как бы это получше объяснить?

Посмотрев на замолчавшего меня, Осанай-сан поспешно сказала:

– Ты думаешь, как лучше сказать? Все в порядке, не беспокойся. Если он тот, с кем ты хочешь дружить, то, думаю, он наверняка оставит меня в покое.

– …Да. Думаю, что, наверное, так и будет.

Беспокоясь о том, что мой ответ прозвучал как-то неопределенно, я стал крошечными глотками допивать кофе, которого осталось совсем чуть-чуть. Осанай-сан вслед за мной тоже отпила лимонада. Мы с Кэнго не так близки, но я относился к нему с уважением. И, если это возможно, я бы не хотел, чтобы Осанай-сан питала к нему неприязнь. Но решать только ей. Поэтому не буду вмешиваться.

И, когда наши чашки опустели, Осанай-сан, словно собравшись с духом, решительно сказала:

– Кобато-кун, когда захочешь сбежать от чего-то, используй меня как оправдание. Не нужно стесняться.

Я слегка улыбнулся:

– Обязательно так и сделаю.

Не было необходимости это подтверждать, потому что мы пообещали друг другу. Точно так же, как я использую Осанай-сан в качестве оправдания, Осанай-сан использует в качестве оправдания меня. Я прикрылся ей, словно щитом, а она прикрывалась мной. Так мы создавали для себя спокойное время.

Да. Совсем скоро мы станем старшеклассниками. Нельзя упустить эту возможность.

Начинаем прыжок к становлению совершенными маленькими гражданами.

2

Жизнь в старшей школе началась спокойно.

В начале учебного года большинство осматриваются. Либо наблюдают, либо узнают что-то о других, и каждый разрабатывает основную стратегию для выстраивания отношений с окружающими. Были и те, кто с самого начала хотел заявить о себе, но мне ловко удавалось держаться от них на расстоянии.

Вскоре одноклассники постепенно начали показывать свое истинное лицо. Это произошло после уроков в один будний день, когда уже наступила середина апреля.

Тогда примерно до обеда шел дождь, и земля была еще очень мокрой. Я вместе с Осанай-сан спускался по лестнице с четвертого этажа, где находились аудитории для учащихся первого класса.

– Знаешь, у нас в городе, – начала Осанай-сан, – открылась новая креперия[6]. Я в предвкушении.

– Ты в предвкушении? Сейчас?

– Да, я еще туда не ходила. Потому что мне не нравится, когда полно людей. Думаю, их там пока еще много.

Я улыбнулся.

– Сходить с тобой?

– А ты сходишь?

В тот момент, когда я собирался предложить зайти туда после школы, у меня завибрировал телефон. Я достал его, а там было не сообщение, а входящий вызов. Это Кэнго. Я жестом попросил Осанай-сан подождать и ответил на звонок.

– Кэнго?

На том конце провода Кэнго говорил чрезмерно громким голосом:

– Дзёгоро? Ты еще в школе?

– Да. Как раз собираюсь уходить.

– Мне нужны люди. Помоги мне.

Хм-м. «Помоги мне» – как гром среди ясного неба. Что-то случилось? У меня только что появились планы, но мне показалось, будет нехорошо отвергать его просьбу, поэтому я взглядом спросил у Осанай-сан. Она слегка наклонила голову набок и спросила:

– Сколько времени это может занять?

– Сколько времени это займет?

– Ну-у… минут тридцать.

– Тридцать минут?

Я снова посмотрел на Осанай-сан. Она, немного погрустнев, опустила голову, но сказала, что подождет, хотя могла бы уйти и без меня.

– Хорошо. Тридцать минут. Если это затянется дольше, то будет не очень хорошо.

– У тебя есть дела? Тогда больше тридцати минут не отниму у тебя. Ты сейчас у входа? Подойди к лестнице на восточной стороне на втором этаже.

Он положил трубку. Я на всякий случай предложил Осанай-сан тоже пойти, но, как я и предполагал, она отрицательно помотала головой.

Если посмотреть на здание старшей школы Фунадо с высоты птичьего полета, то оно по форме напоминало повернутую набок букву «Н», у которой одна горизонтальная линия

[6] Заведение, в котором готовят крепы – блюдо французской кухни, тонкие блины с разными начинками. Как правило, в Японии их сворачивают и подают в виде кулька.

сдвинута вправо, а другая – влево. Эти горизонтальные линии называются северным и южным корпусами. Вход для первоклассников находился в северном, поэтому второй этаж, о котором говорил Кэнго, это, естественно, второй этаж в северном корпусе.

А восточная лестница – это которая? Корпуса назывались северным и южным поэтому не приходилось думать, где восток, а где запад. Более того, вдобавок ко всему для удобства на лестницах есть таблички вроде: «1F – W» или «3F – E».

Когда я пришел в указанное место, там стоял Кэнго в спортивном костюме глубокого зеленого цвета, скрестив руки на груди. Около него двое учеников и одна ученица. Один из школьников был, как и Кэнго, в спортивном костюме, а второй, как и я, в школьной форме с воротником-стойкой. Ученица – в матроске. У мальчика в школьной форме и девочки в матроске на воротнике и на груди были значки первоклассников. Я не думал, что оставшийся мальчик в спортивном костюме мог быть из более старшего класса.

У них у всех были пасмурные лица. Я невольно произнес:

– Какая-то напряженная атмосфера.

Кэнго еще больше нахмурился:

– Ну да.

– Говоришь, тебе нужна помощь?

– Ага, – кивнул он и расцепил сложенные на груди руки. – Нужно кое-что найти. Маленькую сумочку.

Маленькую сумочку, значит.

Вряд ли сумочка принадлежала Кэнго. Я посмотрел на ученицу в матроске, стоявшую за ним. Наверное, нет ничего хорошего в том, чтобы судить о людях по внешности, но она казалась немного отрешенной. Ее черты лица были неброскими, но правильными, и ее можно было назвать хрупкой японской красавицей. Впрочем, если сравнивать ее и Осанай-сан по критерию хрупкости, то с Осанай-сан она даже близко не стояла.

Заметив мой взгляд, Кэнго кивнул:

– Это ее сумочка. Ее украли.

…Ох, это ужасно.

Нельзя сказать, что кражи в школе не происходили. Проблема была в том, что это случилось на глазах у Кэнго Додзимы. Он скрестил руки на груди и крепко сжал кулаки. Скривив гримасу на своем квадратном лице, парень сказал:

– И нашелся же какой-то тип, сделавший такую глупость. Украсть сумку у девчонки…

– Ты считаешь это глупостью? – спросил я, и Кэнго тут же пронзил меня взглядом.

– Что ты имеешь в виду?

– Да нет, ничего такого.

Я сразу попытался выкрутиться, но Кэнго это заметил. Он дернул подбородком, словно приказывая: «Говори». Делать было нечего, я продолжил:

– Я просто подумал, что если в ней были деньги, то это не глупость, а преступление.

– Даже если в ней не было денег, это тоже преступление… Но да. Ёсигути, внутри были какие-то ценные вещи?

Пострадавшую девушку звали Ёсигути. Несмотря на внешнее впечатление, она ответила четко и бодро:

– Нет, там гигиеничка, ручки, ножницы. А, еще блокнот.

– И все?

– Да. Это все. Больше там ничего не было.

Судя по тому, как непринужденно они общались, Ёсигути-сан и Кэнго, возможно, из одной средней школы. В любом случае, похоже, внутри не было ничего, кроме пары мелочей. А значит…

Нет, сейчас от меня не требовалось думать. Поэтому я не должен это делать. Кэнго всего лишь сказал, что ему нужны люди. Я посмотрел по очереди на двух ожидающих учеников и спросил:

– То, что украли сумочку, я понял. А для чего ты собрал людей?

– …Что-то ты подозрительно кроткий сегодня.

Я пожал плечами. Кэнго на мгновение нахмурился, но тут же взял себя в руки.

– Я сказал, что ее украли, но пока не знаю, действительно ли это так. Возможно, ее спрятали. В общем, мы решили обыскать территорию школы.

Понятно. Рассудительный подход.

Получается, что двое, кроме ученицы – это добровольцы из поискового отряда? Они либо любили совать нос не в свои дела, как Кэнго, либо он притащил их силой. На вид один из них был крепкий, словно занимался дзюдо или чем-то подобным, а второй – среднего роста и телосложения, с какой-то странной заискивающей улыбкой, застывшей на губах.

– Вот такие дела, – сказал Кэнго, на что я улыбнулся.

– Да, хорошо. С этим я помогу. Да и думаю, это вряд ли займет больше тридцати минут, – сказал я, и Ёсигути-сан вновь повернулась ко мне.

– Спасибо. Эм-мм…

– Кобато.

– Кобато-кун.

Не за что. Если это какая-то простая работа, я готов помогать сколько угодно.

– Что касается сумочки, которую мы ищем. Ёсигути, – сказал Кэнго.

Ёсигути-сан развела руки. Примерно тридцать сантиметров в ширину. Для маленькой сумочки довольно большая.

– Она примерно такого размера… Цвет темно-красный, ремешок на плечо тонкий, а подкладка белая.

Я собирался молчать, но в итоге все равно влез:

– Когда примерно она пропала?

– До того, как начался шестой урок – физкультура, – она была. Когда я вернулась, она пропала.

Понятно. Значит, она не просто где-то ее потеряла.

– Хм-м. Красный и белый, значит… – пробормотал Кэнго и несколько раз кивнул, поглаживая подбородок. – …Хорошо, тогда начнем. Я посмотрю на первом этаже. Симомура, проверь третий этаж, Дзёгоро – второй. Такада – четвертый.

Исходя из того, в какой момент они поддакивали, Симомура – это тот, улыбающийся, а Такада – с крепким телосложением. Они поднялись по лестнице, Кэнго еще раз сказал мне: «Рассчитываю на тебя», – и спустился по лестнице. Остались я и Ёсигути-сан. Перед тем как приступить к поискам, я вежливо улыбнулся:

– Ёсигути-сан, верно? Не повезло тебе.

Едва слышно она согласилась. Я с той же улыбкой продолжил:

– Это касается и сумочки… Но, наверное, Кэнго… Додзима настоял на поисках? – спросил я, и мне показалось, что лицо Ёсигути внезапно расслабилось. Она тихо вздохнула и ответила:

– Нет, он вовсе не настаивал. Я благодарна вам, что вы поищете сумочку, мне и правда грустно от ее пропажи. Просто когда так выкладываются, мне становится… не по себе. Четверо парней помогают мне, и может показаться, будто я со всеми заигрываю, но мне от этого невыносимо.

Если говорить точнее, то она, наверное, так считает оттого, что другие одноклассники подумают, будто она заигрывает. Эта ученица, кажется, похожа на нас. Слава и мир нашему клубу маленьких граждан.

Я пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.